

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируются работы современных отечественных исследователей, рассматривающих Кавказскую войну как один из этапов общероссийского исторического процесса. Автором изучены различные интерпретации российско-кавказского исторического взаимодействия, возникшие в результате применения нового методологического инструментария, в частности, использования цивилизационного подхода, теории контактных зон, фронта и др.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Россия, историография, Кавказская война, цивилизационный подход, теория контактных зон, фронт.

Журтова Анжела Ариковна
аспирант, ассистент кафедры всеобщей истории
ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им.
Х.М. Бербекова»
360004, Нальчик, ул. Чернышевского, 173
anzhelka28@mail.ru

Проблема Кавказской войны, как особая форма взаимоотношений горских народов с Россией, является одной из самых дискуссионных в современном кавказоведении. Как справедливо подчеркивает В.В. Черноус, спорными остаются практически все основные аспекты проблемы: сама дефиниция, хронологические рамки, причины и характер борьбы, становление российской администрации и правовой системы в ходе Кавказской войны, социальные и политические процессы у народов Северного Кавказа, мухаджирство и др.¹.

В процессе изучения вопроса ученые дают различные оценки взаимоотношений народов Северного Кавказа с Российской империей. Концептуальные различия «завязаны» вокруг следующих понятий: «подданство», «завоевание», «покорение», «добровольное присоединение» и др., при этом у разных авторов одна и та же категория наполнена различным семантическим содержанием. Все это создает сложную палитру мнений и оценок, которые создают дискурсивное поле, требующее глубокого научного исследования. Историографический анализ позволит определить степень изученности проблематики, проследить процессы преемственности и инноваций в исторической науке, определить круг вопросов, нуждающихся в дальнейшем изучении.

Распад СССР обозначил глубокий общественный разлом, который отразился и в сфере научных исследований². Перемены в общественно-политической жизни страны в конце 80 – начале 90-х гг. выдвинули на первый план исследовательской деятельности преодоление границ исторического анализа, задаваемых вплоть до этого времени марксовской схемой истории³.

В современной науке наметился переход от монистической интерпретации истории к плюралистической. Этот переход создал особую методологическую ситуацию, в рамках которой, с одной стороны, идет поиск новых методологических ориентиров, с другой – наблюдается мобилизация всего предшествующего исследовательского опыта, познавательного потенциала предшествующих эпох и иных культур⁴. В результате, историческая наука, по определению А.В. Лубского, превращается в «мультипарадигмальную» дисциплину, становясь когнитивным полем многообразных мнений и интертекстуальных «языковых игр», в ходе которых историческая реальность растворяется во множестве научных дискурсов, тропов и смысловых миров⁵.

Начало 1990-х гг. характеризуется бурным ростом национального самосознания малых народов России и их обращением к историческому

прошлому в целях укрепления собственной этнической идентичности, что стремительно активизировало центробежные тенденции в ряде республик Северного Кавказа. Данные обстоятельства поставили перед российским руководством важнейшую задачу не допустить расширения «ареала» суверенизации государств Закавказья на северокавказскую территорию. Стремясь к реализации федеральных интересов, российские ученые обратились к истории российско-кавказских взаимоотношений, в которой, в отличие от региональных исследователей, усматривали источники легитимации современных, исторически сложившихся государственных границ России на Кавказе.

Объективная картина текущей историографической ситуации, по словам К.Ф. Дзамихова, позволяет в определенных случаях ставить вопрос о противостоянии позиций региональных национальных историков и историков российского центра⁶. «Федеральные» ученые выступают против идеи о перманентном военном противостоянии России и народов Северного Кавказа в прошлом и обосновывают мирный, добровольный характер присоединения местных народов к Российскому государству, оказавшему позитивное влияние на последующее социально-экономическое развитие региона, вследствие чего «новую жизнь» приобрела концепция середины 50-х – 80-х гг. XX в. о «добровольном присоединении» северокавказских народов к России. Исследователи обосновывают позитивный характер российского влияния на общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь горских обществ, подчеркивают невозможность сохранения местными этносоциальными образованиями своей независимости и генофонда в условиях геополитического противоборства европейских держав в XVI–XIX вв.⁷

Вариативность трактовок вхождения Северного Кавказа в состав России позволяла, с одной стороны, подвести научную основу под содержание, цели и задачи сепаратистских политических программ, с другой, – оказать им аргументированное противодействие⁸. Возрождение советского

подхода, освещавшего российско-кавказские взаимоотношения с позиции добровольности и прогрессивности, стало ответной реакцией на всплеск национализма в региональных исследованиях и демонстрирует отношение государственной власти к данному вопросу. В результате происходит углубление противоречий между федеральным центром и национальной интеллектуальной элитой, что еще больше усложняет поиск компромиссных подходов к проблеме вхождения народов Северного Кавказа в состав России.

Характерные черты марксистской историографии вхождения Северного Кавказа в состав России отразились в пятитомной «Истории внешней политики России»⁹. По мнению ее редакторов О.В. Орлика, В.Н. Пономарева и др., Кавказ рассматривался Александром I и Николаем I «как аграрно-сырьевой придаток России» и как «оплот» для осуществления имперских военно-стратегических задач¹⁰. В XIX в. горцы были вынуждены вести «упорную борьбу против национально-колониальной политики царизма»¹¹. В то же время, авторы подчеркивают, что проводимые в регионе преобразования способствовали преодолению северокавказскими народами «феодальной ограниченности и патриархальной замкнутости» и создали «более благоприятные условия для роста их национальной консолидации»¹².

В аналогичном ключе написана работа Е.П. Толмачева¹³. По выражению историка, многовековой процесс присоединения кавказских народов «сочетал в себе как элементы завоевания со стороны России, так и элементы добровольного вхождения в ее состав»¹⁴. Систематическое завоевание Северного Кавказа автор датирует 1817–1864 гг.¹⁵. Вхождение региона в состав России обеспечило северокавказским народам «преодоление их экономической отсталости и политической раздробленности»¹⁶.

Одной из первых современных работ, в которой подчеркивается неправомерность определения российско-кавказского исторического взаимодействия как многовекового военного противостояния, является совместная статья Л.С. Гатаговой, Д.И. Исмаил-Заде, В.И. Котова и др.¹⁷. Возникновение данного тезиса исследователи связывают со стремлением

региональных национальных элит «добиться для себя наибольших экономических и политических выгод»¹⁸. Историки признают, что Российская империя присоединяла новые территории не всегда мирным путем, но взаимоотношения России и народов Северного Кавказа в XVI–XIX вв. не сводятся к одной лишь войне¹⁹.

Связи горцев Северного Кавказа с Россией вплоть до второй половины XVIII в. носили в экономический характер. В XVIII в. позиции России на Северном Кавказе напрямую зависели от ее отношений с Турцией. По мнению авторов, Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года наделил кабардинцев статусом российских подданных, а по Ясскому мирному соглашению 1791 г. Кабарда и Осетия окончательно вошли в состав России²⁰. Кавказская война, с точки зрения Л.С. Гатаговой, Д.И. Исмаил-Заде и др., представляет собой растянувшуюся на десятилетия серию военных конфликтов, в которых приняли участие только дагестанцы, чеченцы и адыги, а осетины, кабардинцы и часть дагестанцев воевали в составе российских войск²¹.

По версии крупного современного исследователя Н.А. Нарочницкой, Кавказская война XIX века началась не в связи с попыткой России присоединить регион, а в связи с конфликтом российских властей с северокавказскими владетелями, связанными с Персией, Турцией и Британией²². Кавказ вошел в состав России, заявляет автор, «много раньше и в основном с добровольного согласия»²³. Так, в середине XVI в. осуществлялись «добровольные присягания на верность» адыгами; в 1770 году 24 ингушских старейшины вступили в российское подданство²⁴ и т.д.

Подобную точку зрения разделяет правовед Л.Г. Свечникова. Присоединение Кабарды, Осетии и Ингушетии к России она связывает с Кючук-Кайнарджийским договором 1774 г. Российско-ингушские (1770, 1810 гг.) и российско-чеченские соглашения (1771, 1807 гг.) подтвердили подданство вайнахов. Юридическое оформление вхождения Кавказа в состав России завершил Адрианопольский мир 1829 года²⁵.

В представлении Л.Г. Свечниковой, процесс интеграции горских обществ в состав империи не происходил гладко, но главной целью российской политики в регионе являлась не колонизация, а расширение экономических связей и предотвращение проникновения на Кавказ «агентуры» Турции, Ирана, Англии и Франции²⁶. Автор подчеркивает, что в результате присоединения к России местные народы сохранили свою культуру, «национальную идентичность» и смогли в дальнейшем создать «национальную государственность»²⁷.

В последние годы с целью консолидации северокавказских этнических групп с русским народом федеральный центр вновь обратился к традиции проведения торжественных мероприятий, приуроченных к юбилею включения какой-либо территории Северного Кавказа в состав России, унаследовав при этом советскую систему отсчета. Так, в начале XXI в. с размахом праздновались 230-летие²⁸ и 235-летие²⁹ присоединения Северной Осетии к России (2004, 2009), 450-летие добровольного вхождения Кабардино-Балкарии (2007)³⁰, 240-летие³¹ и даже 244-летие³² вхождения Ингушетии (2010, 2014) в состав Российского государства и др. В условиях политического плюрализма, такая практика неминуемо вызывает волну критики, как со стороны политических оппонентов местных властей, так и со стороны ряда региональных историков и некоторых исследователей центральных научных учреждений.

Известный российский историк, профессор МГИМО В.В. Дегоев в постсоветский период посвятил большое количество исследований³³ проблеме российско-кавказских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. Кавказская война, в интерпретации автора, возникла как следствие физического соприкосновения разных культур, одна из которых (имперская) оказывала нарастающее и подчас чрезмерно агрессивное давление на другую (патриархально-родовую)³⁴.

«Этот беспокойный край» с XVI в. становится объектом геополитического соперничества России, Турции, Ирана и Крымского

ханства. В соответствии с условиями Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. к Российской империи была присоединена Кабарда. Другие территории Северного Кавказа в договоре не указывались, но подразумевалось, что весь Центральный Кавказ, по мнению В.В. Дегоева, переходил под влияние России³⁵. В результате переговоров 1774 года в Моздоке Осетия приняла российское подданство. Автор придает важное историческое значение данному соглашению, но рассматривает его как официальное подтверждение «верности» осетин российскому престолу, а не как акт о присоединении Осетии к России³⁶.

Известный российский исследователь, кавказовед, главный редактор журнала «Звезда» Я.А. Гордин проанализировал роль Северного Кавказа во внешней политике России. По его словам, со времен Петра I регион являлся плацдармом, с которого в любой момент мог быть нанесен удар во фланг или тыл русской армии – сражалась ли она с Турцией или Ираном. В XIX в. кавказская территория становится помехой для России в налаживании связей с присоединенной Грузией³⁷. Империи был необходим «союзный, лояльный, мирный Кавказ, не обязательно жестко включенный в имперскую структуру», но таковым, как полагает историк, он не мог быть «в силу психологической природы своего населения»³⁸. Таким образом, с точки зрения Я.А. Гордина, российско-горский конфликт носил цивилизационный характер.

Научный интерес представляют исследования В.В. Лапина³⁹, который обосновывает неправомерность ограничения Кавказской войны традиционными хронологическими рамками (1817–1864 гг.), поскольку в результате история Кабарды и Осетии отделяется от истории других районов Северного Кавказа⁴⁰. Он предлагает считать Персидский поход Петра Великого в 1722–1723 гг. началом завоевания Кавказа, а подавление восстания в Чечне и Дагестане в 1877 году – его окончанием⁴¹. Подобное расширение временных рамок Кавказской войны позволяет, по убеждению автора, отказаться от малоперспективных попыток искать внутреннее

единство в типологически разных исторических явлениях, выявить природу этого исторического феномена и дать ему некую «обобщающую» характеристику⁴².

Как и многие современные исследователи, В.В. Лапин определяет Кавказскую войну как цивилизационную, ставшую неизбежной в результате соприкосновения двух военных структур, имеющих различные знаковые системы: русская армия как европеизированная машина устрашения и разрушения и военная организация горцев, соответствующая эпохе военной демократии или становления феодализма⁴³. Но, несмотря на ожесточенный характер российско-горских боевых столкновений, вхождение Северного Кавказа в состав России, как отмечает автор, оказало большое влияние на экономическое и культурное развитие региона⁴⁴.

Историк Ю.Ю. Клычников полагает⁴⁵, что в XIX в. на Кавказе произошло столкновение двух противоположных сил: имперского центра, стремившегося «вростить» новую окраину в общегосударственный механизм, и экспансионизма ряда горских обществ, решавших свои внутренние проблемы, связанные с переходной экономикой и коренной ломкой организации общественной жизни. Все это осложнялось вмешательством ряда иностранных государств, преследовавших на Кавказе свои геополитические интересы⁴⁶.

Кабарда, по словам автора, после ермоловского «замирения» 1825 г. оставалась спокойной. В начале 1827 г. российское подданство приняли ряд балкарских обществ⁴⁷. Юридическое вхождение Кавказа в состав Российского государства, по версии Ю.Ю. Клычникова, завершилось после подписания Адрианопольского мира с Турцией в 1829 г.⁴⁸.

Цивилизационный подход к изучению российско-кавказского исторического взаимодействия реализуется в исследованиях А.Х. Борова⁴⁹. С точки зрения ученого, в середине XVI – начале XVIII в. связи России и народов Северного Кавказа носили характер военно-политического союзничества между «сложными социальными субъектами»⁵⁰. В XVIII в.

накапливаются предпосылки военно-силового противостояния, поскольку углубляется стадильный разрыв уровней их социокультурного развития. Кавказская война, по определению А.Х. Борова, – это проблема диалога культур⁵¹, и различные научные подходы к её осмыслению не столько опровергают, сколько дополняют друг друга⁵². Международно-правовую фиксацию и решение «кабардинского вопроса» историк относит к XVIII в., к договорам 1772 и 1774 гг. с Крымским ханством и Турцией, подтвердившим принадлежность Кабарды России⁵³.

Л.С. Гатагова сравнивает модель «экспансии» России в южном направлении со структурой американского фронта. В её представлении, «граница между Российским государством и кавказскими раннеполитическими образованиями представляла собой не только линию вооруженного соприкосновения, но и своего рода контактно-цивилизационную зону, где развивались интенсивные хозяйственные, политические, личные связи»⁵⁴.

Теория контактных зон получила развитие в исследовании В. Гутакова⁵⁵. Кавказская война, в его версии, стала результатом столкновения двух суперэтносов: евразийского и кавказского, в ландшафтных системах Степи и Гор. Со второй половины XVIII в. российско-кавказская контактная зона превращается в зону постоянных конфликтов и боевых действий⁵⁶. Углублению конфликтной ситуации на всем Северном Кавказе способствовало создание в 1785 году Кавказского наместничества, строительство укреплений и пр. Вхождение Кабарды в состав России В. Гутаков связывает с российско-крымским договором 1772 года⁵⁷.

Вызывает интерес подход Б.В. Виноградова⁵⁸ к мотивам вступления Кабарды в российское подданство, которое кабардинские феодалы воспринимали «условно, без каких либо ограничений привычного уклада жизни»⁵⁹. В интерпретации автора политическая ориентация кабардинских князей в XVIII в. носила двойственный характер: они не желали подчиняться

ни Российской, ни Османской империи. Стратегический план кабардинской княжеской элиты, как полагает историк, состоял в том, чтобы, используя поддержку России, обороняться от Турецкой агрессии, и одновременно использовать турецкий фактор для отстаивания своей независимости от российских властей. Такой сценарий внешней политики мог позволить Кабарде сохранить собственное доминирование над народами Центрального Кавказа⁶⁰.

Таким образом, в современной российской историографии благодаря применению новых подходов, методологического инструментария исследований мирового уровня, в частности социокультурный (цивилизационный) анализ, теория границы (контактных зон, фронта), теория модернизации и др., достигнуты положительные результаты в изучении проблем российско-северокавказского исторического взаимодействия. Кавказская война рассматривается большинством ученых с позиций цивилизационного подхода, как неизбежный результат соприкосновения двух разных социокультурных систем: имперской и раннегосударственной. Исследователи в своих работах меньше акцентируют внимание на боевых действиях в регионе и стремятся найти обоснования мирного и позитивного характера взаимоотношений России и народов Северного Кавказа.

Примечания

¹ Черноус В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20–50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. – 2003. – № 1. – С. 50–64 // URL: http://nmk.sfedu.ru/page01/1999_2005.doc (дата обращения: 23.12.2014).

² Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). – Владикавказ, 2000. – С. 10.

³ Боров А.Х. Проблема синтеза в историческом кавказоведении // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2008. – Вып. VI. – С. 4.

⁴ Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2005 // URL: <http://cheloveknauka.com/alternativnye-modeli-istoricheskogo-issledovaniya-kontseptualnaya-interpretsiya> (дата обращения: 24.06.2015).

-
- ⁵ Лубский А.В. Постмодернизм и историческая наука // URL: http://teoretik.info/index.php?option=com_content&view=article&id=109:2012-03-10-17-55-14&catid=68:2012-03-10-13-48-38. (дата обращения: 01.07.2012).
- ⁶ Дзамихов К.Ф. «Свое» и «чужое» прошлое, или Актуальные вопросы историографии Кавказской войны // *Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв.: материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону.* – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 29.
- ⁷ Максимчик А.Н. Присоединение Северного Кавказа к России в историографии XIX – начала XXI в.: дис. ... канд. истор. наук. – Минск, 2013. – С. 91.
- ⁸ Там же.
- ⁹ История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / Отв. ред. О.В. Орлик. – М., 1999.
- ¹⁰ Там же. – С. 216.
- ¹¹ Там же. – С. 23.
- ¹² Там же.
- ¹³ Толмачев Е.П. Присоединение Кавказа к России (Некоторые итоги и значение) // *Сборник русского исторического общества.* – М., 2000. – Т. 2. – С. 215–217.
- ¹⁴ Там же. – С. 215.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. – С. 216.
- ¹⁷ Гагагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И., Котов В.И., Некрасов А.М., Трепавлов В.В. Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? // *Дипломатический вестник.* – 1998. – № 10 // URL: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/98a7!OpenDocument (дата обращения: 13.04.2015).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Нарочницкая Н.А. Кавказские войны – средство геополитики // URL: <http://www.pravoslavie.ru/analit/print5114.htm> (дата обращения: 12.04.2015).
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Свечникова Л.Г. Правовые основы вхождения Кавказа в состав Российской империи // URL: <http://kborthodoxy.ru/news/780-2014-03-27g.html> (дата обращения: 12.04.2015).
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Северная Осетия. – 2004. – 2, 3 июля.
- ²⁹ Северная Осетия отмечает годовщину присоединения к России // URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=321086> (дата обращения: 12.04.2015).
- ³⁰ Указ Президента Российской Федерации от 8.09.2006 г. № 967 «О праздновании 450-летия добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства» // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102108741> (дата обращения: 11.05.2015).
- ³¹ Сухов И. Сплошной праздник // URL: <http://www.vremya.ru/print/249794.html> (дата обращения: 12.04.2015).
- ³² 17 марта 2014 года Ингушетия отмечает 244-летие добровольного вхождения в состав России // URL: <http://www.magas.ru/content/17-marta-2014-goda-ingushetiya-otmechaet-244-letie-dobrovolnogo-vkhozhdeniya-sostav-rossii> (дата обращения: 12.04.2015).
- ³³ Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х гг. XIX в. – Владикавказ, 1992; Его же. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2001; Его же. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX века) // *Кавказский сборник.* – М., 2004. – Т. 1. – С. 28–47; Его же. Война и

политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX в.) // Кавказский сборник. – М., 2005. – Т. 2. – С. 90–108; Его же. Осетинский вопрос в политике Екатерины II. 60–70-е годы XVIII века // Кавказский сборник. – М., 2011. – Т. 7. – С. 75–117. и др.

³⁴ Дегоев В.В. Кавказ и имперская идея // Звезда. – 2004. – № 6 // URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/6/deg7.html> (дата обращения: 12.06.2015).

³⁵ Дегоев В.В. Кавказская война: предотвратимая неизбежность или неумолимость истории? // URL: <http://www.iarex.ru/articles/51065.html> (дата обращения: 12.06.2015).

³⁶ Дегоев В.В. Осетинский вопрос... – С. 110.

³⁷ Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб., 2000. – С. 43, 44.

³⁸ Там же. – С. 44.

³⁹ Лапин В.В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. – СПб., 2003; Его же. Армия России на Кавказе: Приватизация войны // URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/la12.html> (дата обращения: 15.04.2015); Его же. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. – СПб., 2008 и др.

⁴⁰ Лапин В.В. История Кавказской войны... – С. 13.

⁴¹ Там же. – С. 14.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. – С. 39.

⁴⁴ Там же. – С. 77.

⁴⁵ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827): дис. ... канд. истор. наук. – Армавир, 1998; Его же. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). – Пятигорск, 2002; Его же. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.): дис. ... д-ра истор. наук. – Пятигорск, 2004; Его же. Из истории формирования российского Северного Кавказа. – Пятигорск, 2008; Его же. Российская государственность и северокавказская архаика: в поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. – М., 2015 и др.

⁴⁶ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). – Пятигорск, 2002. – С. 121.

⁴⁷ Там же. – С. 429.

⁴⁸ Там же. – С. 490.

⁴⁹ Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). – Нальчик, 2007; Боров А.Х., Кочесоков Р.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Проблемы интеграции и синтеза // URL: <http://intercircass.org/?p=794> (дата обращения: 16.04.2015); Боров А.Х. «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен. – Нальчик, 2012 и др.

⁵⁰ Боров А.Х., Кочесоков Р.Х. Указ. соч.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Боров А.Х. «Черкесский вопрос»... – С. 10.

⁵⁴ Гагагова Л.С. Присоединение Кавказа // Российская Империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. – М., 2011 // URL: <http://statehistory.ru/books/kollektiv-Rossiyskaya-Imperiya-ot-istokov-do-nachala-XIX-veka---Ocherki-sotsialno-politicheskoy-i-ekonomicheskoy-istorii/11> (дата обращения: 12.04.2015).

⁵⁵ Гутаков В. Русский путь к Югу (мифы и реальность) // Вестник Европы, – 2007. – № 21 // URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2007/19/gu18.html> (дата обращения: 16.04.2015).

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Виноградов Б.В. Кавказ в политике Павла I: дис. ... канд. истор. наук. – Армавир, 1997; Его же. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг.: дис. ... д-ра истор. наук. – Армавир, 2006; Его же. Особенности российско-кабардинских

взаимоотношений во второй половине – конце XVIII в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19–22 мая 2004 г. – Майкоп, 2006. – С. 61–69; Его же. «Кавказская война»: терминологические и стадийные аспекты исследования // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сб. науч. ст. по матер. всерос. науч. конф. – Краснодар, 2015. – С. 35–45 и др.

⁵⁹ Виноградов Б.В. Особенности российско-кабардинских взаимоотношений... – С. 64.

⁶⁰ Там же. – С. 66.

ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF THE CAUCASIAN WAR IN THE CONTEXT OF NATIONWIDE HISTORICAL PROCESS IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article analyzes the work of contemporary Russian researchers who consider the Caucasus war as one of the stages of nationwide historical process. The author studied the different interpretations of Russian-Caucasian historical interaction that emerged resulting from the use of new methodological instrumentation, in particular, the use of civilized approach, the theory of contact zones, Frontier and others.

Key words: North Caucasus, Russia, historiography, the Caucasian war, the civilizational approach, the theory of contact zones, frontier.

Zhurtova Anzhela Arikovna
graduate student, assistant of the Department of General History
Kabardino-Balkarian State University
360004, Nalchik, Chernyshevsky St., 173
anzhelka28@mail.ru